

Бай Сун выплюнул полный рот риса, да так неудачно, что забрызгал всю еду на столе, и едва не задохнулся. Бай Цин, ничуть не смутившись увиденным, продолжал сверлить его своими блестящими глазками.

Бай Сун отвесил ему увесистый подзатыльник:

— От кого ты это услышал?

— От Цици, — Бай Цин начал активно жестикулировать. — Она сказала, что ночью, когда вставала попить воды, слышала, как мама ругала папу. Мол, у него и фигура не очень, и выносливость ни к черту, а у настоящего мужа всё это должно быть в порядке. Я подумал, что это она его так хвалит.

— ...Это вовсе не похвала. Точнее, слова-то может и неплохие, но их нельзя произносить в лицо, понимаешь?

— А-а... А у тебя выносливость хорошая? — Бай Цин, пожевав рис, снова поднял на него взгляд.

— Пф-ф... Кхе-кхе-кхе! Да ты издеваешься? Ты собираешься когда-нибудь заткнуться? Ешь давай! И чтобы больше таких вопросов не задавал! Ешь! — проворчал он про себя. В кого только этот ребенок такой уродился? Есть на него вообще управа?

— Ты на меня наплевал.

— Ешь, кому говорят!

— Учитель, а что значит, если у мужчины хорошая выносливость? — с самым невинным видом спросил Бай Цин у Юнь Цюцзэ, напрочь позабыв вчерашний урок.

Юнь Цюцзэ как раз присел, чтобы завязать мальчику шнурки. Он даже не сразу понял вопрос:

— Что ты сказал?

— Я вчера папу спросил про выносливость, так он меня отлупил. Почему?

— Кхм, Бай Цин, слушай сюда. Учитель тебе скажет: такие вопросы задавать нельзя. Хорошие дети не интересуются подобными вещами, понял?

— Понял...

Вот она — разница между учителем и отцом. Отец отлупит, а толку меньше, чем от одного слова учителя. Печальная доля родителя.

Отделавшись от назойливого мелкого, Юнь Цюцзэ по обыкновению отправился в конфетную лавку. Вчера продавщица звонила ему и говорила, что завезли свежую партию османтусовых конфет — вкус просто изумительный, и неизвестно, когда еще будут. У них в магазине правило: кто первый пришел, тот и купил, постоянным клиентам ничего не откладывают, так что пришлось поторопиться.

Уроки в начальной школе заканчиваются рано, но когда Юнь Цюцзэ добрался до лавки, конфеты уже раскупили. Продавщица виновато развела руками, объясняя, что последний килограмм только что забрали.

Юнь Цюцзэ досадовал: ну как же так? Он полмесяца эту партию ждал. Ему обещали, что привезут в субботу, он бы успел, а тут — привезли раньше.

— Юнь Цюцзэ? — в дверях показался не кто иной, как его знакомый по конфетным делам, Бай Сун.

Бай Сун уже заходил сюда раньше, но случайно оставил на прилавке канцтовары, купленные для Бай Цина. Вспомнил на полпути и вернулся, а войдя, застал Юнь Цюцзэ, который с явным недовольством буравил взглядом прилавков.

— О, это ты, — Юнь Цюцзэ улыбнулся. — Пришел за османтусовыми конфетами? Их только что разобрали.

— Знаю. Последний килограмм купил я, — Бай Сун помахал бумажным пакетом в руке.

Юнь Цюцзэ проводил пакет жадным взглядом.

Бай Сун немного подумал и предложил:

— Все равно мне столько не съесть, а дома этот мелкий сорванец учует — нельзя ему много. Давай найдем место и прикончим их вместе?

— А тебе не нужно готовить ужин сыну?

— Он не помрет с голоду, если немного подождет. Сейчас небось за компьютером в свои игрушки рубится.

— Вот почему меня в последнее время в играх постоянно тянут на дно такие союзники, как свиньи? Оказывается, развелось слишком много школьников, — Юнь Цюцзэ сделал крайне озадаченное лицо.

Бай Сун вздохнул:

— Куда тебе до моих страданий? Мой аккаунт он «убивает» по сто раз на дню. Как увижу, что он за компьютером, сердце кровью обливается. Ну что, идем на чай?

— Идет. Знаю одно местечко, там отличный молочный чай. Ты угощаешь конфетами, я — чаем?

— Договорились.

На самом деле Бай Сун уже сто лет не выбирался на послеобеденный чай. В студенческие годы его девушка обожала это дело и постоянно таскала его с собой, а после выпуска он завертелся в делах, было не до чая. А потом появился маленький хвостик, и вовсе стало не до того.

Юнь Цюцзэ привел его в небольшую чайную — ту самую, с крошечной барной стойкой, которую так любят студенты. За три юаня тебе дают стакан чая с пластиковой трубочкой, и можно идти дальше.

— Сяо Цю, ты пришел! Как обычно, чай с пудингом? О, это твой друг? Симпатичный! — владелец лавки, молодой парень, явно был в хороших отношениях с Юнь Цюцзэ. Видимо, из-за постоянного общения со студентами он выглядел очень модно и говорил в такой... радостной манере.

— Это Бай Сун. А Бай Сун, это мой кореш, можешь звать его Двумя Дураками, — Юнь Цюцзэ бросил сумку на стул и жестом пригласил Бай Суну садиться.

— Эй! Ты чего мелешь? Бай Сун, верно? Привет! Я Лю Нин, что будешь пить?

— Привет. Что угодно, я давно такого не пробовал, — Бай Сун снял пиджак, повесил на спинку стула и долго разглядывал пестрые названия в меню, так и не поняв, из чего сделаны эти разноцветные напитки.

— У меня есть кофе, правда, растворимый. Может, чашечку? — Лю Нин оглядел его строгий костюм и решил, что такой человек наверняка предпочитает кофе.

— Он не пьет такую горечь. Сделай ему что-нибудь сладкое, чтобы зубы сводило, — Юнь Цюцзэ уже сам зачерпнул ложкой огромный кусок пудинга и отправил себе в стакан, с блаженным видом прихлебывая чай.

В итоге Лю Нин сделал Бай Суну самый обычный чай с жемчужинами и кокосом — побоялся, что другие вкусы тот не оценит, и, услышав, что друг любит сладкое, добавил лишнюю ложку сахара.

Для своих он ничего не жалел: молоко было настоящим, а не дешевым заменителем. Бай Сун

сделал глоток и понял, что это совсем не похоже на то, что он пробовал раньше, но вкус оказался приятным и ароматным.

— Ты когда... — Лю Нин не успел договорить, как Юнь Цюцзэ ткнул его стаканом в нос, да так, что у того слезы из глаз брызнули.

— Обычный! Сделай мне еще один! — Юнь Цюцзэ понял, что тот не так все понял и решил, что Бай Сун — его новый парень. А Бай Сун — натурал, если такое сболтнуть, они даже друзьями перестанут быть.

— Ладно, ладно! Раз хочешь, сделаю еще, только не бей, у меня и так нос не слишком выдающийся, — Лю Нин отвернулся, чтобы сделать еще порцию, добавив в нее пудинга больше, чем чая, и спросил, не хочет ли Бай Сун еще.

— Не стоит беспокоиться, мне и этого хватит... — Бай Сун начал было отвечать, но зазвонил телефон. — Прошу прощения, мне нужно ответить.

— Иди-иди, не стесняйся!

— Алло?

— Папа! Папа! Папа! Папа! — едва он снял трубку, как в ухо посыпалась целая очередь криков, от которых у Бай Суна закружилась голова.

— Перестань кричать! Что случилось?

— У нас дома пожар! Огромный! — следующее предложение Бай Цина чуть не довело Бай Суна до сердечного приступа, хотя сам мальчик говорил поразительно спокойно.

— Что ты сказал?! Где пожар? Ты сейчас где? Плевать на огонь, быстро выбегай оттуда! — Бай Сун, продолжая говорить по телефону, извинился перед Юнь Цюцзэ, схватил пиджак и выскочил из лавки.

Лю Нин облокотился на стойку, подперев подбородок:

— Ну и шустрый тип.

— Наверное, его сын опять что-то выкинул, — Юнь Цюцзэ не расслышал, о чем они говорили, но знал, что так заставить Бай Суна нервничать мог только Бай Цин. Семи-восемилетние мальчишки — те еще подарочки.

— О! Ты что, решил стать мачехой для его ребенка? погоди, у него есть ребенок, значит, этот

парень натурал?

— А ты как думал? Я же сказал — просто друг. Нельзя каждого мужчину, с которым я общаюсь, записывать в мои парни. А то я в следующий раз увижу тебя с какой-нибудь девушкой и скажу Фанфан, что ты ей изменяешь, понял?

— Эй! Я же о тебе забочусь! Между прочим, в следующем месяце собираюсь делать предложение моей Фан-эр! Не смей мне мешать! — Лю Нин строго предупредил Юнь Цюцзэ и взглянул на фото своей девушки, стоявшее на стойке, с невероятно счастливой улыбкой.

Юнь Цюцзэ скорчил рожицу:

— Наша Фан-эр... еще неизвестно, согласится ли она!

— Получишь сейчас, веришь? Но если серьезно, ты сколько уже один? Неужели не собираешься кого-нибудь найти? — Лю Нин, налюбовавшись на фото, снова переключился на сплетни. То есть, на заботу о счастье друга, хотя его выражение лица напоминало Мистера Бина, напрашивающегося на неприятности.

— Собираюсь! Вот только что положил глаз на того парня. Жаль, он натурал. Доволен?

Лю Нин подпрыгнул на месте:

— Нет, раньше за тобой такого не водилось! Как ты можешь заглядываться на женатых? Говорю тебе, лезть в чужую семью нельзя, тем более ты же мужчина!

— Ты хочешь сказать, если бы я был женщиной, то мог бы разрушить семью? Ты можешь хоть раз сказать что-то нормальное? И с чего ты взял, что он женат? Если есть сын, значит, есть и жена? Может, он вдовец, ты об этом не подумал?

— Напугал! Нельзя так выражаться! Раз он свободен, так иди и добивайся! Посмотри на нашего Сяо Цю — чем не хорош? Внешность, характер, фигура... Как там говорится? Родители умерли... это я про тебя, — Лю Нин ущипнул Юнь Цюцзэ за пухлые щеки и начал их мять.

— Думаешь, дело в этом? У него что, нет внешности или фигуры? Ты вообще не о том говоришь, — Юнь Цюцзэ шлепнул его по руке и поправил футболку. — Видишь? Самая главная проблема в том, что я — мужик. Все остальное — лишь дополнение, которое сразу перечеркивает все шансы.

Лю Нин замялся, подумал и выдал:

— Натуралы тоже могут стать геями! В отчетах пишут, что все люди по сути бисексуальны. Многие мужчины, встретив того, кого по-настоящему полюбят, до этого момента даже не подозревали, что могут любить не только женщин.

Юнь Цюцзэ сунул ему под нос фотографию его девушки:

— Тогда ты сейчас тоже считаешь, что любишь только женщин?

— Не меняй тему! Моя любовь к Фан-эр не изменится и через сто лет!

— Тогда о чем мы вообще спорим?

— У него же есть сын. Можешь зайти через него. Ты же учитель начальных классов, с детьми у тебя все схвачено. Если ребенок будет плакать и умолять, чтобы ты стал его мачехой, отец может разволноваться, поддаться порыву — и тогда... кто знает?

<http://bllate.org/book/19777/1948633>